

ПАМЯТНИКИ КРИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Николай
КАРАМЗИН

О Богдановиче
и
его сочинениях

IM WERDEN VERLAG
МОСКВА - AUGSBURG 2003

Текст печатается по изданию:

Н. М. Карамзин. Избранные сочинения в двух томах. Том 2. М. 1964. С. 198-279

© «Im Werden Verlag». Составление и оформление. 2003

<http://www.imwerden.de>

info@imwerden.de

О БОГДАНОВИЧЕ И ЕГО СОЧИНЕНИЯХ¹

Коллежский советник Ипполит Федорович Богданович родился в 1743 году, декабря 23, в счастливом климате Малороссии, в местечке Переволочном, где отец его был при должности; ему и нежной матери он единственно обязан первым своим образованием. — Таланты иногда долго зреют, но всегда рано открываются: уже в детстве Богданович страстно любил чтение, рисование, музыку и стихотворство.

В 1754 году отвезли его в Москву и определили в Юстиц-коллегию юнкером. Президент ее, г. Желябужский, заметил в нем особенную склонность к наукам и дозволил ему учиться в математической школе, бывшей тогда при сенатской конторе. Но математика не могла быть наукою человека, рожденного для поэзии; числа и линии не питают воображения. Богданович, утомленный арифметикою и геометрией, отдыхал за творениями Ломоносова, которого лира гремела и пленяла тогда россиян, еще не строгих судей в поэзии, но уже чувствительных к великим красотам ее.

Драматическое искусство сильно действует на всякую нежную душу; разборчивость вкуса приходит только с летами и с тонким образованием душевных способностей: не мудрено, что пылкий молодой человек, увидев в первый раз драматические представления, сии живые картины страстей, так пленился ими, что готов был сделать безрассудность. Однажды является к директору Московского театра мальчик лет пятнадцати, скромный, даже застенчивый, и говорит ему, что он дворянин и желает быть — актером!² Директор, разговаривая с ним, узнает его охоту к учению и стихотворству; доказывает ему неприличность актерского звания для благородного человека; записывает его в университет и берет жить к себе в дом. Сей мальчик был Ипполит³ Богданович, а директор театра (что не менее достойно замечания) — Михайло Матвеевич Херасков. Итак, счастливая звезда привела молодого ученика муз к их знаменитому любимцу, который, имея сам великий талант, умел открывать его и в других. — Тогда Богданович узнал правила языка и стихотворства, языки иностранные и приобрел другие сведения, необходимые для надежных успехов дарования; наука не дает таланта, но образует его. Творец «Россияды» был ему полезен наставлениями, советами и примером. Богданович учился в классах и писал стихи, которые печатались в журнале, выходившем при университете⁴. Они были еще далеки от совершенства, но показывали в авторе способность к нему приблизиться.

Кроме Михайла Матвеевича Хераскова (который был тогда членом университета), молодой стихотворец наш имел еще ревностного покровителя в князе Михайле Ивановиче Дашкове. Уважение, оказанное к юному таланту, достойно всегда признательного воспоминания добрых сердец: сей нежный цвет, от знаков холодности и невнимания, часто без всякого плода увядает. Но к чести русских заметим, что молодые люди с дарованием всегда находили и находят у нас деятельное покровительство, особливо если нравственный характер их возвышает цену ума, как в Ипполите Богдановиче, который отличал себя и тем и другим, — а всего более милым *простосердечием*, свойственным любимцу Аполлонову...

¹ С величайшею благодарностию автор воспользовался известиями, доставленными ему почтенным братом творца «Душеньки», Иваном Федоровичем Богдановичем, но прибавил к ним и некоторые анекдоты, слышанные им от людей, которые были коротко знакомы с покойником.

² Это слышал я от самого бессмертного творца «Россияды».

³ Пиитическое имя Ипполита приятнее ушам без отчества.

⁴ В «Полезном увеселении».

Сын Фебов не рожден быть тонким знатоком
Обычаев, условий света;
Невинность, простота видна в делах поэта.
Ему вселенная есть дом,
Где он живет с чужими
Как с братьями родными;
Свободу и покой любя,
Не мыслит принуждать себя.

Некоторые поэты составляют исключение из сего правила; но таков был Лафонтен — и Богданович! Осьмнадцати лет он казался еще младенцем в свете; говорил что думал; делал что хотел; любил слушать умные разговоры и засыпал от скучных. К счастью, поэт жил у поэта, который требовал от него хороших стихов, а не рабского наблюдения светских обыкновений, и, забавляясь иногда его невинностью, любил в нем как дарование, так и редкое добродушие. Богданович от искренности своей казался иногда смелым; но если слово его оскорбляло человека, то он готов был плакать от раскаяния; чувствовал нужду в осторожности и через десять минут следовая опять движению своей природной откровенности: слабость души нежной и прекрасной, которая иногда и самую долговременную опытность побеждает!.. Стихотворец наш, богатый единственно рифмами, не мог сыпать золота на бедных, но (как сказал любезный переводчик Греевой «Элегии»)

Дарил несчастных он чем только мог — слезою!

Приязнь находила в нем самую ревностную услужливость. Однажды ночью сделался пожар близ знакомого ему дома: он забыл крепкий сон молодого человека, дурную погоду, расстояние и в одном камзоле явился там предложить услуги свои. — Хозяин и хозяйка, столь любезные и почтенные, обходились с ним как с родным: он во всю жизнь сохранил к ним сердечную привязанность. — Но мы еще должны заметить одну черту характера его, едва ли не во всех поэтах явную и резкую, — чувствительность к любезности женской, которая всегда служила вдохновением для стихов приятных. Кто рожден быть поэтом граций, в том рано обнаруживается сия нежная симпатия с их подругами — но симпатия часто безмолвная. Молодой стихотворец видел, обожал, краснелся и вздыхал только в нежных мадригалах. Какая строгая женщина могла оскорбиться такими чувствами?

В 1761 году Богданович определен был в надзиратели над университетскими классами с чином офицера, а по восшествии на престол императрицы Екатерины II — в члены комиссии торжественных приготовлений и сочинял надписи для ворот триумфальных. В 1763 году, через покровительство княгини Екатерины Романовны Дашковой¹, он вступил переводчиком в штат графа Петра Ивановича Панина и в то же время издавал журнал², в котором сия знаменитая любительница русской словесности участвовала собственными трудами своими. Уже дарование его с блеском обнаружилось тогда в переводе Вольтеровых стихотворений, а всего более — в поэме на разрушение Лиссабона, которую Богданович перевел так удачно, что многие стихи ее не уступают красоте и силе французских. Например:

Бог держит цепь в руках, но ею он не связан.

.....
Когда творец так благ, почто же страждет тварь?

¹ «Благодетельницы фамилии Богдановичей, — прибавляет И. Ф. Б. в своих известиях, — ибо и брат его обязан ей своим воспитанием». — Мы должны были сохранить сие изъятие благородной признательности.

² Под титулом: «Невинное упражнение».

.....
Я жив, я чувствую, и сердце от мученья
Взывает ко творцу и просит облегченья...
О дети бедные всемогущего отца!
На то ли вам даны чувствительны сердца?
.....
Кому, о боже мой! Твои судьбы известны?
Всесовершенный зла не может произвести.
Другого нет творца, а зло на свете есть.
.....
Один лишь может он дела свои открыть,
Исправить немощных и мудрых умудрить.
.....
Отвержен Эпикур, оставлен мной Платон:
Бель знает боле их — но можно ль основаться?
Держа весы в руках, он учит — сомневаться!
И не приемля сам системы никакой,
Все только опроверг, сражался — с собой,
Подобно как Самсон, лишенный глаз врагами,
Под зданьем пал, его разрушенным руками!
.....
Калифа некогда, оканчивая век,
В последний час сию молитву к богу рек:
«Я все то приношу тебе, о царь вселенной!
Чего нет в благости твоей всесовершенной:
Грехи, неведение, болезни, слезы, стон!»
Еще прибавить мог к тому *надежду* он.

Такие стихи, написанные молодым человеком двадцати лет, показывают редкий талант для стихотворства; некоторые из них может осудить только набожный, строгий христианин, а не критик; но и в первом случае должен отвечать Вольтер, а не Богданович. — Вместе с переводами напечатаны в сем журнале и многие его сочинения, из которых иные отличаются нежностью и хорошими мыслями; например, следующие стихи к Климене:

Чтоб счастливым нам быть,
Я буду жить затем, чтоб мне тебя любить;
А ты люби меня затем, чтоб мог я жить.

В 1765 году Богданович, считаясь в иностранной коллегии переводчиком, издал маленькую поэму «Сугубое блаженство». Он разделил ее на три песни: в первой изображает картину золотого века, во второй — успехи гражданской жизни, наук и злоупотребление страстей, а в третьей — спасительное действие законов и царской власти. Сей важный предмет требовал зрелости дарований: еще стихотворец наш не имел ее; однако ж многие стихи умны и приятны. Поэт складно и хорошо описывает наслаждения человека в его невинности:

В тот час, как он свое увидел совершенство,
Природою одной и сердцем научен;
Как всякий взор ему казал его блаженство
И всяким новым был предметом восхищен:
Пять чувств ему вещей познание открыли,
Которое его ко счастью вело,

И чувства лишь к его довольствию служили;
Не знал¹ он их тогда употреблять во зло.
Невинности его не развращали страсти;
Желаний дале нужд своих не простирали;
Желал того, что он всегда имел во власти,
И, следственно, имел он все, чего желал.

Хорошо также описаны в пиитическом видении различные славы царей...

Бесчисленные зрю там скипетры, державы
И разные венцы для кротких или злых.
Одни получатся народною любовью,
Предзнаменуя мир, спокойство, тишину;
Другие купятся злодействами и кровью:
*Им будет ненависть покорствовать в плену*².
Пребудут первые спокойны, безопасны,
И слава возгласит по свету имя их;
Но будут наконец последние несчастны,
Собою делая несчастными других.

Сия поэма, приписанная тогда его высочеству, августейшему наследнику трона, заключается следующими прекрасными стихами:

Учись, великий князь, числом примеров сих,
Великим быть царем, великим человеком,
Ко счастью твоему и подданных твоих.

Она, сколько нам известно, не сделала сильного впечатления в публике. Лавровый венок уже сплетался для автора, но еще невидимо.

В 1766 году, определенный в должность секретаря посольства к саксонскому двору, Богданович отправился в Дрезден с министром, князем Андреем Михайловичем Белосельским. Любезность сего посланника, блестящие собрания в его доме, хорошие знакомства, живописные окрестности города и драгоценности искусств, в нем соединенные, сделали тамошнюю жизнь весьма приятною для Богдановича, так что он всегда любил вспоминать об ней: она, без сомнения, имела счастливое влияние и на самый пиитический талант его. Но, гуляя по цветущим берегам Эльбы и мечтая о нимфах, которых они достойны; пленясь одушевленною кистию Корреджио, Рубенса, Веронеза³ и собирая в их картинах милые черты для своей «Душеньки», которая уже занимала его воображение, он в то же время описывал конституцию Германии и соглашал удовольствия человека светского, любителя искусств, поэта с обязанностию ученого дипломата.

В 1768 году, возвратясь из Дрездена, он совершенно посвятил себя литературе и стихотворству; перевел разные статьи из «Энциклопедии», Вертотову «Историю бывших перемен в Риме», мысли аббата Сен-Пьера о вечном мире, песнь «Екатерине» Микеля-Анджело Джиаветти (за которую имел счастье быть представлен сей великой государыне), выдавал 16 месяцев журнал под титулом «Петербургского вестника» и, наконец, в 1775 году положил на алтарь граций свою «Душеньку». Богданович с удовольствием говаривал после о времени ее сочинения. Он жил тогда на Васильевском острову, в тихом, уединенном домике,

¹ После: *не знал*, должно сказать *как* — то есть: *не знал, как употребить во зло*.

² Лучший стих в поэме.

³ Всем известна Дрезденская картинная галерея.

занимаясь музыкою и стихами, в счастливой беспечности и свободе; имел приятные знакомства; любил иногда выезжать, но еще более возвращаться домой, где муза ожидала его с новыми идеями и цветами... Мирные, неизъяснимые удовольствия творческого дарования, может быть самые вернейшие в жизни! Нередко призраки суетности и других страстей отвлекают нас от сих любезных упражнений; но какой человек с талантом, вкусив их сладость и после вверженный в шумную, деятельную праздность света, среди всех блестящих забав его не жалел о пленительных минутах вдохновения? Сильный, хороший стих, счастливое слово, искусный переход от одной мысли к другой радуют поэта, как младенца, и нередко на целый день делают веселым, особливо если он может сообщать свое удовольствие другу любезному, снисходительному к его авторской слабости! Оно живо и невинно; самый труд, которым его приобретаем, есть наслаждение; а впереди ожидает писателя благоволение добрых сердец.

Говорят о зависти: но ее жалкие усилия нередко еще более способствуют торжеству дарований и всегда, как легкие волны, отражаются твердым подножием, на котором талант возвышается, в честь отечеству, ко славе разума и в память века...

Басня Психеи есть одна из прекраснейших мифологии и заключает в себе остроумную аллегория, которую стихотворцы затмили наконец своими вымыслами. Древняя басня состояла единственно в сказании, что бог любви сочетался с Психеею (душою), *земною* красавицею, и что от сего брака родилась *богиня наслаждения*. Мысль аллегории есть та, что душа наслаждается в любви божественным удовольствием. Апулей, славный остроумец и колдун, по мнению народа римского, сочинил из нее любопытную и даже трогательную сказку, совсем не в духе греческой мифологии, но похожую на волшебные сказки новейших времен. Лафонтен пленился ею, украсил вымысл вымыслами и написал складную повесть, смешав трогательное с забавным и стихи с прозою. Она служила образцом для русской «Душеньки»; но Богданович, не выпуская из глаз Лафонтена, идет *своим* путем и рвет на лугах цветы, которые укрылись от французского поэта. Скажем без аллегории, что Лафонтеново творение полнее и совершеннее в эстетическом смысле, а «Душенька» во многих местах приятнее и живее и вообще превосходнее тем, что писана стихами: ибо хорошие стихи всегда лучше хорошей прозы; что труднее, то имеет и более цены в искусствах. Надобно также заметить, что некоторые изображения и предметы необходимо требуют стихов для большего удовольствия читателей и что никакая гармоническая, цветная проза не заменит их. Все чудесное, явно несбыточное принадлежит к сему роду (следственно, и басня «Душеньки»). Случаи неестественные должны быть описаны и языком необыкновенным; должны быть украшены всеми хитростями искусства, чтобы занимать нас повестью, в которой нет и тени истины или вероятности. Стихотворство есть приятная игра ума и богаче обыкновенного языка разнообразными оборотами, изменениями тона, особливо в вольных стихах, какими писана «Душенька» и которые, подобно английскому саду, более всякого правильного единства обнаруживают ум и вкус артиста. Лафонтен сам это чувствовал и для того нередко оставляет прозу; но он сделал бы гораздо лучше, если бы совсем оставил ее и написал поэму свою от начала до конца в стихах. Богданович писал ими, и мы все читали его; Лафонтен — прозою, и роман его едва ли известен одному из пяти французов, охотников до чтения. Правда, что есть люди, которые не любят стихов, — так же как другие не любят музыки и прекрасных женщин; но такая антипатия есть чрезвычайность, и мы из учтивости — ничего не скажем о сих людях!

Желая *украсить гроб* сего любезного поэта *собственными его цветами*, напомним здесь любителям русского стихотворства лучшие места «Душеньки». Она не есть поэма героическая; мы не можем, следуя правилам Аристотеля, с важностию рассматривать ее *басню, нравы, характеры и выражение* их; не можем, к счастью, быть в сем случае педантами, которых боятся грации и любимцы их. «Душенька» есть легкая игра воображения, основанная на одних правилах нежного вкуса; а для них нет Аристотеля. В таком сочинении все правильно, что забавно и весело, остроумно выдуманно, хорошо сказано. Это, кажется, очень легко — и в самом деле, не трудно, — но только для людей с талантом. Пойдем же, без всякого ученого

масштаба, вслед за стихотворцем; и чтобы лучше ценить его дарование, будем сравнивать «Душеньку» с Лафонтеновым творением.

Мы уже говорили о том, что Богданович не рабски подражал образцу своему. Например, в самом начале он весьма забавно описывает доброго царя, отца героини,

Который свету был полезен,
Богам любезен;
Достойно награждал,
Достойно осуждал;
И если находил в подсудных злые души,
Таким ослиные приклеивал он уши;
Завистникам велел, чтоб счастье других
Скучало взорам их
И не могли б они покоем наслаждаться;
Скупым определил у золота сидеть,
На золото глядеть
И золотом прельщаться,
Но им не насыщаться;
Спесивым предписал с людьми не общаться,
И их потомкам в казнь давалась та же спесь,
Какая видима осталась и поднесь.

У Лафонтена нет о том ни слова. И как все приятно сказано! Как перемена стихов у места и счастлива! — Любезное имя, которым Богданович назвал свою героиню, представляет ему счастливую игру мыслей, которой Лафонтен мог бы позавидовать:

Звалась она *Душа* по толку мудрецов;
А после, в повестях старинных знатоков,
У русских *Душенькой* она именовалась,
И пишут, что тогда
Изыскано не без труда
К ее названию приличнейшее слово,
Которое еще для слуха было ново.
Во славу *Душеньке* у нас от тех времен
Поставлено оно народом в лексиконе
Между приятнейших имен,
И утвердила то любовь в своем законе.

Это одно гораздо лучше всякого подробного описания Душенькиных прелестей, которого нет ни у Богдановича, ни у Лафонтена: ибо они не хотели говорить слишком обыкновенного. — Жалобы Венеры в русской поэме лучше, нежели во французской сказке, где она также в стихах. Читатели могут судить:

Амур, Амур! Вступись за честь мою и славу;
Яви свой суд, яви управу.
Ты знаешь Душеньку иль мог о ней слышать:
Простая смертная, ругаяся богами,
Не ставит ни во что твою бессмертну мать;
Уже и нашими слугами
Осмелилась повелевать

И в областях моих над мной торжествовать.
Могу ли я сносить и видеть равнодушно,
Что Душеньке одной везде и все послушно?
За ней гоняся, от нас отходят прочь
Поклонники, друзья, Амуры и Зефиры.

.....
Юпитер сам по ней вздыхает день и ночь,
И слышно, что берет себе ее в супруги:
Гречанку наглуую, едва ли царску дочь,
Забыв Юнонины и верность и услуги!
Какой ты будешь бог, и где твой будет трон,
Когда от них другой родится Купидон,
Который у тебя отнимет лук и стрелы
И нагло покорит подвластны нам пределы?
Ты знаешь, как сыны Юпитеровы смелы:
По воле ходят в небеса
И всякие творят на свете чудеса.
И можно ли терпеть, что Душенька собою,
Без помощи твоей, во всех вселяет страсть,
Какую возжигать один имел ты власть?
Она давно уже смеется над тобою
И ставит в торжество себе мою напасть.
За честь свою, за честь Венеры
Яви ты строгости примеры;
Соделай Душеньку постылою навек
И столь худою,
И столь дурною,
Чтоб всякий от нее чуждался человек;
Иль дай ты ей в мужья, кто б всех сыскался хуже;
Чтобы нашла она себе тирана в муже
И мучила себя,
Жестокую любя;
Чтобы ее краса увяла
И я покойна стала.

Лафонтенова Венера, сказав, что из Пафоса бежали к Душеньке все игры и смехи, продолжает:

L'un de ces jours je lui vois pour époux
Le plus beau, le mieux fait de tout l'humain lignage,
Sans le tenir de vos traits ni de vous;
Sans vous en rendre aucun hommage.
Il naîtra de leur mariage
Un autre Cupidon qui d'un de ces regards
Fera plus mille fois que vous avec son dards.
Prenez y gard; il vous y fait songer.
Rendez la malheureuse, et que cette cadette
Malgré les siens épouse un étranger,
Qui ne sache où trouver retraite;
Qui soit laid, et qui la maltraite,

La fesse consumer en regrets superflus,
Tant que ni vous ni moi nous ne la craignons plus ¹.

Для чести русского таланта мы не побоялись длинной выписки. Богданович и мыслями и выражениями побеждает опасного совместника. Он гораздо приличнее заставляет сказать Венеру, что *сам Юпитер* может жениться на *Душеньке*, а не лучший из смертных красавцев, от которого нельзя было родиться второму Купидону. Стихи: «Ты знаешь, как сыны Юпитеровы смелы» — «И столь худую, и столь дурною» — «И мучила себя, жестокого любя», — живы и прекрасны; Лафонтеновы только изрядны, кроме: «*Sans le tenir de vos traits, ni de vous*»², где одно сказано два раза для наполнения стиха. — Венерино шествие у Лафонтена эскиз, у Богдановича картина. Первый сказал: «*l'un (Тритон) lui tient un miroir fait de cristal de roche*»³, а второй:

Несет отломок гор кристальных
На место зеркала пред ней.
Сей вид приятность объявляет
И радость на ее челе.
«О, если б вид сей, — он вешает, —
Остался вечно в хрустале!»
Но тщетно он того желает!
Исчезнет сей призрак, как сон;
Останется один лишь камень — и проч.

Лафонтен говорит: «*Thétis lui fait ouïr un concert de Sirènes*»⁴. Богданович:

Сирены, сладкие певицы,
Меж тем поют стихи ей в честь,
Мешают с былью небылицы,
Ее стараясь превознести.

.....
Сама Фетида их послала
Для малых и больших услуг
И только для себя желала,
Чтоб дома был ее супруг!

¹ Тот из мужчин супругом станет ей,
Кто самый доблестный, и сильный, и прекрасный,
Без стрел твоих, без помощи твоей,
Тебе, Амуру, неподвластный.
От их любви живой и страстной
Родится заново всесильный Купидон,
Которым будешь ты, о сын мой, превзойден.
Поберегись же: надо сделать так,
Чтоб несмотря на все родни ее старанья,
Увел ее уродина, чужак,
Чтоб ведать ей одни скитанья,
Побои, брань и нареканья,
Чтоб тщетно плакала и мучилась она,
Униженная, — нам с тобою не страшна.

(В настоящей статье все стихотворные переводы с французского принадлежат Н. Рыковой. — *Ред.*)

² Без стрел твоих, без помощи твоей (*франц.*). — *Ред.*

³ Тот зеркала хрусталь Венере подставляет (*франц.*). — *Ред.*

⁴ Сиренам — громче петь, — Фетиды приказанье (*франц.*). — *Ред.*

Последняя черта забавна. Фетида рада веселить Венеру, но с тем условием, чтобы влюбчивый бог морей не выезжал к ней навстречу трезубцем своим! — Лафонтен:

Tous les vents attentifs retiennent leur haleines;
Le seul Zéphir est libre, et d'un souffle amoureux
Il caresse Venus, se joue à ses cheveux;
Contre ses vêtements par fois il se courrouce.
L'onde pour la toucher à longs flots s'entrepousse
Et d'une égale ardeur chaque flot à son tour
S'en vient baiser les pieds de la mère d'Amour ¹.

Французские стихи хороши, но русские еще игривее и живее:

Летят обратно беглецы,
Зефиры, древни наглецы.
Иной власы ее взвеваает;
Но вдруг, открыв прелестну грудь,
Перестает на время дуть,
Власы с досадой опускает
И, с ними спутавшись, летит.
Гонясь за нею, волны там
Толкают в ревности друг друга,
Чтоб, вырвавшись скорей из круга,
Смиренно пасть к ее ногам.

Так стихотворцы с талантом подражают. Богданович не думал о словах Лафонтеновых, а видел перед собою шествие Венеры и писал картину с натуры.

Что француз остроумно говорит прозою, то русский не менее остроумно, и еще милее, сказал в стихах. Все любовники оставляют красавицу. Народ приходит в ужас от небывалого чуда, и Венера грозит государству еще новыми бедствиями, если не принесут ей в жертву самой Душеньки...

Но царь и вся родня
Любили Душеньку без меры;
Без ней приятного не проводили дня:
Могли ль предать ее на мщение Венеры?
И все в единый глас,
Богине на отказ,
Ответствовали смело,
Что то несбыточное дело.
Иные подняли на смех ее олтарь;
Другие стали горько плакать;
Другие ж, не дослушав, такать,

¹А ветры задержать стараются дыханье.
Один зефир шалит, забывши всякий страх:
Играет только он в Венериных кудрях,
Покров с нее сорвать старается порою.
Волна ревнивая стремится за волною,
Чтоб лаской губ своих, что влажны и чисты,
Коснуться нежных ног богини красоты (франц.). — Ред.

Когда лишь слово скажет царь;
 Иные Душеньке в утеху говорили,
 Что толь особая вина
 Для ней похвальна и славна,
 Когда, к стыду богинь, ее боготворили;
 И что Венеры к ней и ненависть и месть
 Ее умножат честь.
 Царевне ж те слова хотя и лестны были,
 Но были бы милей,
 Когда бы их сказал какой любовник ей.
 От гордости она скрывала
 Печаль свою при всех глазах;
 Но втайне часто унывала,
 Себя несчастной называла
 И часто в горестных слезах
 К Амуру так взывала:
 «Амур, Амур, веселий бог!
 За что ко мне суров и строг?
 Давно ли все меня ласкали?
 В победах я вела часы;
 Могла пленять, любить по воле:
 За что ж теперь в несчастной доле?
 К чему полезны мне красы?
 Беднейшая в полях пастушка
 Себе находит пастуха;
 А я одна — —,
 Не быв дурна, не быв лиха!»

Сия жалоба Душеньки отменно любезна своею простотою. Но в доказательство нашего беспристрастия согласимся, что темный ответ оракула лучше выражен во французских стихах. Отчаяние красавицы и то, что она говорит своему отцу, желая предаться в волю таинственной судьбы, также совершеннее и трогательнее в Лафонтене, Он рассказывает прозою: одно легче другого. Зато некоторые места лучше в стихах Богдановича. Лафонтенова Псиша говорит: «*Qu'on me mette sur un chariot, sans cocher ni guide; et qu'on laisse aller les chevaux à leur fantaisie: le sort le guidera infailliblement au lieu ordonné*»¹.

Стоит ли эта бездушная проза следующих стихов? Душенька

Сказала всей своей родне,
 Чтоб только в путь ее как должно снарядили
 И в колесницу посадили,
 Пустя на волю лошадей,
 Без кучера и без возжей.
 «Судьба, — сказала, — будет править;
 Судьба покажет верный след
 К жилищу радостей иль бед,
 Где должно вам меня оставить».

¹ Посадите меня в повозку без возницы и проводника, и пусть лошади сами везут меня, куда им вздумается: случай сам их направит в надлежащее место. (*Перевод с французского А. Смирнова. — Ред.*)

Вот славное преимущество языка поэзии! Если стихотворец умеет побеждать трудности и ставить каждое слово в своем месте, то самые простые выражения отменно нравятся и прозаист далеко назад остается.

Ужасы Душенькина путешествия изображены во французской сказке как действительные ужасы, а в русской — с приятною шутливостию:

Там все при каждом шаге
Встречали новый страх:
Ужасные пещеры,
И кверху крутизны
И к бездне глубины.
Иным являлись там мегеры;
Иным летучи дромадеры,
Иным драконы и церберы
.....
Царевнина кровать
В руках несущих сокрушилась,
И многие от страха тут
Немало шапок пороняли,
Которы на подхват драконы пожирали.
Иные по кустам одежды изодрали
И, наготы имея вид,
Едва могли прикрыть от глаз сторонних стыд.
Осталось наконец лишь несколько булавок
И несколько стихов Оракула для справок.

Надобно быть в весьма дурном расположении, чтобы не засмеяться от двух последних стихов. Мы не жалеем, что стихотворец наш предпочел здесь важному описанию карикатуру: она хороша.

Как ни складно, ни красно описывает Лафонтен Купидонов дворец, сады, услужливость нимф, но проза его не делает мне такого удовольствия, как следующие стихи Богдановича:

Явился перед ней
Прекрасный вид аллея
И рощей и полей.
Высокие балконы
Открыли царство там и Флоры и Полоны,
Каскады и пруды
И чудные сады.
Оттуда сорок нимф вели ее в чертоги,
Какие созидать удобны только боги;
И тамо Душеньку, к прохладе от дороги,
В готовую для ней купальню привели.
Амуры ей росы чистейшей принесли,
Котору вместо вод повсюду собирали.
Зефиры воздух там дыханьем согревали,
Из разных аромат вздували пузыри
И составляли мыла,
Какими моются восточные цари
И коих ведома живительная сила.

Царевна со стыдом,
Со спором и трудом,
Как водится при том,
Взирая на обновы,
Какие были там на выбор ей готовы,
Дозволила сложить с красот своих покровы.
Полки различных слуг, пред тем отдав поклон,
Без горя не могли оттуда выдти вон
И даже за дверьми, не будучи в услуге,
Охотно след ее лобзали на досуге.
Зефиры лишь одни, имея вход везде,
Зефиры хищные, затем что ростом мелки,
Нашли в дверях и окнах щелки,
Прокрались между нимф и спрятались в воде,
Где Душенька купалась.

Богданович, угощая и веселя музыкою героиню во дворце Купидоновом, составил оркестр свой лучше Лафонтена и велел даже, весьма кстати, невидимо управлять им самому Аполлону; но жаль, что хор певиц его, хваля любовь, не повторил на русском языке следующей строфы гимна французского:

Sans cet amour tant d'objets ravissants,
Lambris dorés, bois, jardins et fontains
N'ont point d'appas qui ne soient languissants,
Et leurs plaisirs sont moins doux que ses peines.
Des jeunes cœurs c'est le suprême bien:
Aimez, aimez — tout le reste n'est rien ¹.

В доказательство, *что* поэты, вопреки старинному злословию, умеют быть иногда скромными, и француз и русский не хотели описать первого свидания Душеньки с Амуром. Последний отделился от читателей приятною шуткою, говоря, что эта сцена осталась навеки тайною между супругами...

Но только поутру заметили амуры,
Что нимфы меж собой смеялись подтишком,
И гостья, будучи стыдлива от природы,
Казалась между их с завешенным ушком.

В изображении палат с их драгоценностями я люблю статую Душеньки...

Смотря на образ сей, она сама дивилась;
Другая статуя казалась в ней тогда,
Какой не видывал никто и никогда.

¹ Да, без любви уборы и венцы
Надоедят и не спасут от скуки.
К чему тогда фонтаны и дворцы?
Всех их милей огонь любовной муки.
Для юных — высшее блаженство в нем:
Люби, люби — нет смысла в остальном (франц.). — Ред.

Черта прекрасная! Взята с французского («elle demeura longtemps immobile, et parut la plus belle, statue de ces lieux»¹); но, выраженная в стихах, более нравится... Люблю также разные живописные изображения Душеньки:

В одном она, с щитом престрашным на груди,
Палладой наряясь, грозит на лошади,
И боле, чем копьем, своим прекрасным взором.

В другом видим перед нею Сатурна, который

Старается забыть, что он давнишний дед,
Прямит свой дряхлый стан, желает быть моложе,
Кудрит оставшие волос своих клочки
И видеть Душеньку вздевает он очки.
А там она видна, подобясь царце,
С амурами вокруг, в воздушной колеснице,
Прекрасной Душеньки за честь и красоту
Амуры там сердца стреляют на лету;
Летят великою толпою;
Летят, поднявши лук, на целый свет войною;
А там свирепый Марс, рушитель мирных прав,
Увидев Душеньку, являет тихий нрав,
Полей не обагрывает кровью
И наконец, забыв военный свой устав.
Смягчен у ног ее, пылает к ней любовьюю.

На третьей картине Зефир списывает с нее портрет; но, боясь нескромности,

Скрывает в списке он большую часть красот;
И многие из них, конечно, чудесами,
Пред Душенькою вдруг тогда писались сами.
Всего же более люблю обращение поэта к красавице:
Во всех ты, Душенька, нарядах хороша:
По образу ль какой царицы ты одета,
Пастушкою ли где сидишь у шалаша,
Во всех ты чудо света;
Во всех являешься прекрасным божеством —
И только ты одна прекраснее портрета.

Просто и так мило, что, может быть, никакое другое место в «Душеньке» не делает в читателе столь приятного впечатления. Всякому хочется сказать сии нежные, прекрасные стихи той женщине, которая ему всех других любезнее; а последний стих можно назвать золотым. — Мы не пеняем автору, что он не хочет далее описывать Купидонова дворца,

Где все пленяло взгляд
И было бесподобно;
Но всюду там умом
Я Душеньку встречаю,

¹ Она подолгу замирала на месте, похожая на самую прекрасную статую этого дворца. (Перевод с французского А. Смирнова. — Ред.)

Прельщаюсь и потом
Палаты забываю.

Но с палатами стихотворец забыл и хозяина; забыл, между портретами, упомянуть об его изображениях. Скрываясь от Душеньки, Амур должен был показаться ей хотя на картине. Лафонтен представил на обоях разные *чудеса* Купидоновы: например, ужасный хаос, приводимый его рукою в стройность...

Que fait l'Amour? Volant de bout en bout,
Ce jeune enfant, sans beaucoup de mystère.
En badinant vous débrouille le tout,
Mille fois mieux qu'un sage¹.

Как бы хорошо мог Богданович сказать это в русских стихах! Как бы хорошо мог, следуя Лафонтену, описать приступы любопытной Душеньки к невидимому Амуру и его отговорки, столь остроумные! «Nécessairement je suis Dieu ou je suis Démon. Si vous trouvez que je suis Démon, vous cesserez de m'aimer ou du moins vous ne m'aimerez plus avec tant d'ardeur: car il s'en faut bien qu'on aime les Dieux aussi violemment que les hommes»². Но поэт наш, как поэт, не любил закона и принуждения; хотел брать не все хорошее в образце своем, а что слегка и само собою попадалось ему в глаза —

Любя свободу я мою,
Как вздумается мне, пою.

Довольно, что Богданович, проходя иногда мимо красот Лафонтеновых, щедро заменял их собственными и разнообразными. Умея быть нежным, забавным, он умел и колоть — даже кровных своих, то есть стихотворцев. Вводя Душеньку в Амурову библиотеку, он говорит:

Царевна там взяла читать стихи;
Но их читаючи как будто за грехи,
Узнала в первый раз мучительную скуку
И, бросив их под стол, при том зашибла руку.
Носился после слух, что будто наконец
Несчастных сих стихов творец
Указом Аполлона
Навеки согнан с Геликона;
И будто Душенька, боясь подобных *скук*³,
Иль ради сохраненья рук,
Стихов с неделю не читала,
Хотя любила их и некогда слагала.

¹ А что ж Амур? Над хаосом летя,
И превзойдя уменьем и сноровкой
Всех мудрецов, чудесное дитя
Сумбур его распутывает ловко (*франц.*). — *Ред.*

² А это значит, что я либо бог, либо демон. Если ты считаешь, что я демон, ты должна находить меня отвратительным, а если бог, ты должна перестать любить меня или по крайней мере перестать любить меня с прежним пылом, ибо редко бывает, что богов любят так же страстно, как людей. (*Перевод с французского А. Смирнова.* — *Ред.*)

³ Скука не употребляется у нас во множественном числе.

Сей несчастный, согнанный с Геликона, был, конечно, не похож на Богдановича, которого Душенька с удовольствием могла бы читать даже и тогда, как он с пиитической искренностью описывает лукавство ее в гибельную ночь любопытства. Злые сестры уговорили ее засветить лампаду во время сна Купидонова...

Прекрасна Душенька употребила тут
И хитрость и проворство.
Какие свойственны женам,
Когда они, дела имея по ночам,
Скорее как-нибудь покой дают мужьям.
Но хитрости ль ее в то время успевали
Иль сам клонился к сну от действия печали:
Он мало говорил, вздохнул,
Зевнул,
Заснул.

Это напоминает один из славнейших стихов в Lutrin и стоит десяти прозаических страниц Лафонтена.

В описании Душенькиных бедствий некоторые черты также гораздо счастливее у Богдановича; например, трогательное обращение его к жалкой изгнаннице:

Умри, красавица, умри! Твой сладкий век
С минувшим днем уже протек;
И если смерть тебя от бедствий не избавит,
Сей свет, где ты досель равнялась с божеством,
Отныне в скорбь тебе наполнен будет злом,
И всюду горести за горестями представит.
.....
К несчастью, тебя оставил Купидон.
Твой рай, твои утехи,
Забавы, игры, смехи
Прошли, как будто сон.
Вкусивши сладости, кто в мире их лишился,
Любя с любимым разлучился
И радости себе уже не чает впредь,
Легко почувствует, без дальнейшего слова,
Что лучше Душеньке в сей доле умереть.

Стихотворец наш, описывая с Лафонтеном все образы смерти, избираемые Душенькою, прибавляет от себя еще один, не весьма пиитический, но игриво и забавно им представленный:

Избрав крепчайший сук, последний шаг ступила
И к ветви свой платок как должно прицепила,
И в петлю Душенька головушку вложила.
О чудо из чудес!
Потрясся дол и лес;
Дубовый, грубый сук, на чем она повисла,
С почтением к ее прекрасной голове
Пригнулся так, как прут — — —
И здраву Душеньку поставил на траве;

И ветви все тогда, на низ влекомы ею,
Иль сами волею своею,
Шумели радостно над нею
И, съединяючи концы,
Свивали разны ей венцы.
Один лишь наглый сук за платье зацепился,
И Душенькин покров вверху остановился;
Тогда увидел дол и лес
Другое чудо из чудес — —

Вольность бывает маленькою слабостию поэтов; строгие люди давно осуждают их, но снисходительные многое извиняют, если воображение неразлучно с остроумием и не забывает правил вкуса. Когда горы и леса, видя *чудо*, восклицали, что Душенька всех на свете прекраснее,

Амур, смотря из облаков,
Прилежным взором то оправдывал без слов!

Поэту хотелось сказать, что Душенька прошла *сквозь огонь и воду*, и для того он заставляет ее броситься в пламя, когда наяды не дали ей утонуть в реке...

Лишь только бросилась во пламя на дрова,
Как вдруг невидимая сила
Под нею пламень погасила;
Мгновенно дым исчез, огонь и жар потух;
Остался только лишь потребный теплый дух,
Затем чтоб ножки там царевна осушила,
Которые в воде недавно замочила.

Это смешно, и рассказ имеет всю точность хорошей прозы. — Лафонтен, для разнообразия своей повести, вводит историю философа-рыболова: в «Душеньке» она могла бы только остановить быстроту главного действия. Сказки в стихах не требуют *множества* вымыслов, нужных для живости прозаических сказок. Богданович упоминает о старом рыбаке единственно для того, чтобы Душеньке было кому пожаловаться на ее несчастье...

Ты помнишь бытность всех времен
И всяких в мире перемен:
Скажи, как свет стоит с начала,
Встречалось ли когда кому
Несчастье равно моему?
Я резалась и в петлю клалась,
Топилась и в огонь бросалась;
Но в горькой участи моей,
Прошед сквозь огонь, прошед сквозь воду
И всеми видами смертей
Приведши в ужас всю природу,
Против желания живу
И тщетно смерть к себе зову.

.....
«Но кто ты?» — старец спросил.
«Я Душенька — люблю Амура».

Последний стих прекрасен и трогателен, несмотря на шуточный тон автора. — Объявление Венеры, прибитое на всех перекрестках, взято с французского, но гораздо смешнее на русском:

Понеже Душенька прогневала Венеру
И Душеньку Амур Венере в стыд хвалил;
Она же, Душенька, румяна унижает,
Мрачит перед собой достоинство белил;
.....
Она же, Душенька, имея стройный стан,
Прелестные глаза, приятную усмешку;
.....
Она же взорами сердцам творя изъян;
.....
Того или иного ради.
Венера каждому и всем
О гневе на нее своем
По должной форме объявляет.

В обращении Душеньки к богиням всего забавнее представлена важность Минервы, которая, занимаясь астрономическими наблюдениями и хвостами комет, с презрением говорит бедной красавице,

Что мир без Душеньки стоял из века в век;
Что в обществе она неважный человек;
А паче как хвостом комета всех пугает,
О Душеньке тогда никто не помышляет.

Богданович хотел осмеять астрономов, которые около 1775 году, если не ошибаюсь, пугали людей опасностью кометы. Но должно признаться, что о ревливой Юноне Лафонтен говорит еще забавнее русского стихотворца. Вот его слова: «Пастушке нашей не трудно было найти Юнону. Ревливая жена Юпитерова часто ходит на землю, чтобы осведомляться о супруге. Псища встретила ее гимном, но воспела одно могущество сей богини и тем испортила дело свое. Надобно было хвалить ее красоту, и как можно усерднее. Царям говори об их величии, а царицам — совсем о другом, если хочешь угодить им. Юнона отвечала, что должно наказывать смертных прелестниц, в которых влюбляются боги. Зачем они таскаются на землю? Разве на Олимпе еще мало для них красавиц?» Богданович шутит только насчет Юпитеровых метаморфоз: здесь Лафонтен тонее. Но скоро наш поэт берет верх, описывая ошибку людей, которые, видя в Венерином храме Душеньку в крестьянском платье, считают ее богинею и шепчут друг другу на ухо:

Венера здесь тайком!
Венера за столбом!
Венера под платком!
Венера в сарафане!
Пришла сюда пешком!
Конечно, с пастушком!

Здесь короткие стихи на одну рифму прекрасно выражают быстроту народных слов. И с каким любезным простосердечием говорит Душенька раздраженной Венере,

...колена преклоня:
Богиня всех красот! Не сетуй на меня!
Я сына твоего прельщать не умышляла.
Судьба меня, судьба во власть к нему послала.
Не я ищу людей, а люди в слепоте
Дивятся завсегда малейшей красоте.
Сама искала я упасть перед тобою;
Сама желала я твоею быть рабою.

Богданович поступил также гораздо милостивее с своею героинею, нежели Лафонтен, который заставил Венеру немилосердно сечь ее розгами! Какое варварство! Русская Душенька *служит* только трудные, опасные *службы* богине, совершенно в тоне русских старинных сказок, и прекрасно: идет за живую и мертвую водою, к змею Гарыничу, и так хорошо, с женскою хитростию, ублажает его:

О змей Гарынич, Чудо-Юда!
Ты сыт во всяки времена;
Ты ростом превзошел слона,
Красою помрачил верблюда;
Ты всяку здесь имеешь власть;
Блестишь златыми чешуями,
И смело разеваешь пасть,
И можешь всех давить когтями!
Пусти меня, пусти к водам!

Богданович, приводя Душеньку к злому Кащею, не рассказывает нам его загадок: жаль! здесь был случай выдумать нечто остроумное. Но автор уже довольно выдумывал, спешит к концу, отдохнуть на миртах вместе с своею героинею и мимоходом еще описывает Тартар несравненно лучше Лафонтена. Как скоро Душенька показала там ногу свою, все затихло...

Церберы перестали лаять,
Замерзлый Тартар начал таять.
Подземна царства темный царь,
Который возле Прозерпины
Дремал, с надеждою на слуг,
Смутился тишиною вдруг:
Возвысил вокруг бровей морщины,
Сверкнул блистаньем ярых глаз,
Взглянул... начавши речь, запнулся
И с роду первый раз
В то время улыбнулся!

Сими прекрасными стихами заключаем нашу выписку. Амур соединяется с Душенькою, и Богданович, вспомнив аллегорический смысл древней басни, оканчивает свою поэму хвалою душевной, вечно неуявдаемой красоты, в утешение, как говорит он, всех земных некрасавиц.

Заметив хорошие и прекрасные места в «Душеньке», скажем, что она, конечно, не вся писана такими счастливыми стихами; но вообще столь приятна, что благоразумный критик, чувствительный к красотам искусства и дарования (а суд других есть пустословие или злословие),

не захочет на счет ее доказывать своей тонкой разборчивости и не забудет, что Ипполит Богданович *первый* на русском языке играл воображением в легких стихах: Ломоносов, Сумароков, Херасков могли быть для него образцами только в других родах.

Мудрено ли, что «Душенька» единогласно была прославлена всеми любителями русского стихотворства? Шесть или семь листов, с беспечно брошенных в свет, переменяли обстоятельства и жизнь автора. Екатерина царствовала в России: она читала «Душеньку» с удовольствием и сказала о том сочинителю: что могло быть для него лестнее? Знатные и придворные, всегда ревностные подражатели государей, старались изъяслять ему знаки своего уважения и твердили наизусть места, замеченные монархинею. Тогдашние стихотворцы писали эпистолы, оды, мадригалы в честь и славу творца «Душеньки». *Он был на розах*, как говорят французы... Но многие блестящие знакомства отвлекли Богдановича от жертвенника муз в самое цветущее время таланта¹ — и венок «Душеньки» остался единственным на голове его. Хотя он и неувядаем, однако ж любители дарований не перестанут жалеть, что поэт наш им удовольствовался и не захотел новых. Он доказал, к несчастью, что авторское славолубие может иметь пределы! Правда, что Богданович еще писал, но мало или с небрежением, как будто бы *нехотя* или в дремоте гения. Иной сказал бы, что поэт, любя свою «Душеньку», *хотел* оставить ей честь быть единственным изящным творением его таланта. — От 1775 до 1789 году он сочинил «Историческое изображение России», часть I (опыт легкий, несовершенный, но довольно приятный), — лирическую комедию «Радость Душеньки», драму «Славяне» и две маленькие театральные пиесы из русских пословиц. Сама

Екатерина ободряла Богдановича писать для театра и в знак своего благоволения пожаловала ему табакерку за «Радость Душеньки», а за драму «Славяне» — перстень. В первой есть забавная сцена, пир богов, где Момус смешит своим *божественным* простосердечием; а во второй — двадцатипятилетнее торжество, славян в честь великой государыни, которая навеки основала их благоденствие, тронуло в представлении всех зрителей: ибо сию драму играли в то время, когда совершилась четверть века по восшествии на трон Екатерины. — Исполняя также волю сей монархини, он издал «Русские пословицы», в которых сохранились драгоценные остатки ума наших предков, их истинные понятия о добре и мудрые правила жизни. Мы должны еще упомянуть о мелких его стихотворениях, напечатанных в «Собеседнике»: некоторые из них отличаются замыслом и вкусом. — Но некоторая из приятных безделок Богдановича не была так известна и славна, как его песня: «Мне минуло пятнадцать лет». Она сделалась *народною*, и донныне — несмотря на множество новых любимых песен — сохраняет свое достоинство. В ней есть истинная *затейливость* и нежная простота, которые равняют ее с лучшими французскими песнями. Что может быть проще и любезнее следующих куплетов:

«Дала б ему я посох свой:
Мне посох надобен самой;
И чтоб зверей остерегаться,
С собачкой мне нельзя расстаться.
В пустой и скучной стороне
Свирелки также нужны мне.
Овечку дать ему я рада,
Когда бы не считали стада».
Пастушка говорит тогда:
«Пускай пастух придет сюда;
Чтоб не было убытка стаду,
Я сердце дам ему в награду!»

¹ Ему тогда было с небольшим 30 лет.

Он перевел также все лучшие французские стихи, написанные в честь Екатерины, Вольтеровы, Мармонтелёвы и проч. Сии поэты умели хвалить Великую языком благородным, и Богданович не унижал его.

Например, он так заставляет говорить Мармонтеля на русском языке:

О ты, которая в законах и геройстве
Совместников своих далеко превзошла, —
Божественный пример монархам подала
Пещися подданных о счастья и спокойстве!
Являй всегда твоей величество души
И славных дел своих начатки соверши!
Счастливому в твоём владении народу
Осталось иметь едину лишь свободу.

В переводе его Вольтер, подобно как и в оригинале, то важен, то забавен, говоря:

И где Великий Петр людей соделать мог,
Екатерина там соделала героев...
.....
Трудится день и ночь восставить всех покой
И меж трудов ко мне писать находит время.
Тогда же Мустафа, гордясь пред визирем,
В чертогах роскошью бесчувственной дышет,
Зевает в праздности, не мыслит ни о чем,
И никогда ко мне, вприбавок, он не пишет!

Занимаясь стихотворством Богдановича, мы забыли службу его. В 1780 году он был определен в новоучрежденный тогда Государственный санкт-петербургский архив членом, в 1788 — председателем его, а в 1795 — отставлен с полным жалованьем, служив 41 год. — Наконец, в 1796 году он выехал из Петербурга. Тогдашние бедствия Европы, разительная картина непостоянств фортуны в отношении к людям и к государствам, самая светская печальная опытность могли в добром и нежном сердце его произвести склонность к мирному уединению. Приятный климат, любезные воспоминания детства и самая вернейшая связь в мире, дружба родственная, влекли Богдановича к счастливым странам Малороссии. Он приехал в Сумы с намерением вести там жизнь свою в кругу ближайших родных и наслаждаться ее тихим вечером в объятиях природы, всегда любезной для чувствительного сердца, особливо для поэта. Первые дни и месяцы казались ему совершенным очарованием; никогда душа его не бывала так свободна и безмятежна. Уже никакие мечты не тревожили ее спокойствия. Мирная совесть, пятьдесят лет, проведенных в наблюдении строгих правил чести; кроткая, но всегдашняя деятельность благородных способностей человека: ума образованного и зрелого, воображения еще не угасшего; чтение авторов избранных, обхождение с людьми добрыми и близкими к сердцу, самое единообразие простой жизни, любезное в некоторых летах, были счастьем Богдановича, истинным и завидным, которого желают все люди, живущие для славы собственной и пользы других в шуме светском и которого милым образом украшают они *в мыслях* последние дни свои в мире, дни отдохновения и

покоя!.. Но
Пристанница в сем мире нет!..

Здесь должны мы осторожно повторить известив неясное, хотя и верное. Руссо на шестом десятилетии жизни испытал всю силу романической страсти, забавной в глазах молодого

светского Адониса, но трогательной для человеколюбивого наблюдателя. Можно с покойною совестью шутить над стариком Селадоном; но для *особенной* и *случайной* привязанности нет срока: всегда можно любить, пока сердце живо, и взор чувствительной женщины изъявляет нам симпатию. Самолюбие, некоторым образом справедливое в человеке достойном; имя дружбы, которым часто закрываем любовь от самих себя; надежда быть — если не прелестным, то хотя приятным, и нравиться самым тем, чтобы не думать нравиться, — заводят иногда и не поэтов весьма далеко... Не знаем обстоятельств; но кто, и зная их, мог бы без нарушения правил скромного благоразумия открыть свету подробности сердечной связи? Скажем только, что тихая, мирная, счастливая жизнь Богдановича вдруг сделалась ему несносною. Он должен был разлучиться с другом и братом... Как остаться в тех местах, где все напоминало ему и блаженнейшие часы для сердца и неожиданные их следствия? Оскорбленное самолюбие бывает антидотом любви, но жестоким!.. И всякая сильная перемена чувств ужасна в то время, когда мы близки к западу жизни и когда натура предписывает человеку *спокойствие*; как необходимое условие еще возможного для него счастья! Надежда заменить потерю облегчает ее в молодости; но лета отнимают у нас сие действительное утешение. Мы слышим только голос строгого рассудка, который запрещает даже и жаловаться на судьбу!.. Мысль о последних годах нашего любезного стихотворца печальна для всякого, кто умеет воображать себя на месте других.

В 1798 году он переселился в Курск. — Александр восшел на трон; и когда все патриоты с радостными надеждами устремили на него взоры, Богданович взял лиру, уже давно им оставленную, — и юный монарх в знак своего благоволения прислал ему перстень. Муза «Душеньки» имела славу и счастье нравиться Великой Екатерине: августейший внук ее мог ли не удостоить ее своего внимания?

В начале декабря 1802 году Богданович занемог, быв всегда некрепкого сложения; томился четыре недели и кончил жизнь 6 января, к горести родных, друзей и всех любителей русской словесности: ибо он еще не дожил до глубокой, маститой старости, которая бывает последним знаком небесного благоволения к земным странникам, облегчая их переход в вечность.

Говорят, что жизнь и характер сочинителя видны в его творениях; однако ж мы, любя последние, всегда спрашиваем о первых у тех людей, которые лично знали автора. Все знакомые и приятели Богдановича единогласно хвалят его свойства, тихий нрав, чувствительность, бескорыстие и какую-то невинную веселость, которую он сохранил до старости и которая делала его приятным в дружеском обществе. Никто не замечал в нем авторского самолюбия. Богданович даже редко говаривал о поэзии и литературе, и всегда с некоторою застенчивостию, бывшею природным свойством его. Не мудрено, что он не любил критики, пугающей всякое нежное самолюбие, и признавался, что она своею грубою строгостию могла бы совершенно отвратить его от авторства.

Друзья Богдановича, которых он, однажды нашедши, не терял никогда, — а еще долее любители русских талантов сохраняют его память: ибо творец «Душеньки» будет известен потомству — как стихотворец приятный, нежный, часто остроумный и замысловатый.